

A black and white illustration of a woman in profile, looking towards the right. She is wearing a winter hat with a pom-pom and a heavy coat. The background shows a city street with a bridge railing and a building with ornate architectural details. A bright light source, possibly the sun or a street lamp, is visible in the upper left corner.

Лауреаты
Международного
конкурса
имени Сергея
Михалкова

Сюзанна Кулешова

Литейный МОСТ

Лауреаты Международного
конкурса имени Сергея Михалкова

Сюзанна Кулешова

Литейный мост

Издательство «Детская литература»

2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Кулешова С.

Литейный мост / С. Кулешова — Издательство «Детская литература», 2017 — (Лауреаты Международного конкурса имени Сергея Михалкова)

ISBN 978-5-08-005705-2

Лиза Корнилова (за свою любовь к Достоевскому прозванная одноклассниками Федей) мечтает стать писателем, а еще она чувствует и понимает душу своего родного города, Санкт-Петербурга. Кирилл Вольберг легко решает любые математические задачи. Артем Григорьев обладает феноменальной памятью, а Игорь Егоров – поразительной интуицией. Перед каждым из этих талантливых девятиклассников открыто будущее и весь мир. Но какие же сложные вопросы приходится решать ребятам в преддверии взрослой жизни! На страницах этой книги молодых людей ждет проверка на человечность и осознание ответственности за свои неординарные способности. Повесть была особо отмечена юношеским жюри V Конкурса имени С. Михалкова на лучшее художественное произведение для подростков. Для среднего и старшего школьного возраста.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-08-005705-2

© Кулешова С., 2017
© Издательство «Детская литература», 2017

Содержание

О Конкурсе	6
Литейный мост	7
Часть первая	8
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Сюзанна Кулешова Литейный мост

О Конкурсе

Первый конкурс Сергея Михалкова на лучшее художественное произведение для подростков был объявлен в ноябре 2007 года по инициативе Российского фонда культуры и Совета по детской книге России. Тогда конкурс задумывался как разовый проект, как подарок, приуроченный к 95-летию Сергея Михалкова и 40-летию возглавляемой им Российской национальной секции в Международном совете по детской книге. В качестве девиза была выбрана фраза классика: «Просто поговорим о жизни. Я расскажу тебе, что это такое». Сам Михалков стал почетным председателем жюри Конкурса, а возглавила работу жюри известная детская писательница Ирина Токмакова.

В августе 2009 года С. В. Михалков ушел из жизни. В память о нем было решено проводить конкурсы регулярно, каждые два года, что происходит до настоящего времени. Второй Конкурс был объявлен в октябре 2009 года. Тогда же был выбран и постоянный девиз. Им стало выражение Сергея Михалкова: «Сегодня – дети, завтра – народ». В 2011 году прошел третий конкурс, на котором рассматривалось более 600 рукописей: повестей, рассказов, стихотворных произведений. В 2013 году в четвертом конкурсе участвовало более 300 авторов. В 2016 году объявлены победители пятого Конкурса.

Отправить свою рукопись на Конкурс может любой совершеннолетний автор, пишущий для подростков на русском языке. Судят присланные произведения два состава жюри: взрослое и детское, состоящее из 12 подростков в возрасте от 12 до 16 лет. Лауреатами становятся 13 авторов лучших работ. Три лауреата Конкурса получают денежную премию.

Эти рукописи можно смело назвать показателем современного литературного процесса в его «подростковом секторе». Их отличает актуальность и острота тем (отношения в семье, поиск своего места в жизни, проблемы школы и улицы, человечность и равнодушие взрослых и детей и многие другие), жизнеутверждающие развязки, поддержание традиционных культурных и семейных ценностей. Центральной проблемой многих произведений является нравственный облик современного подростка.

В 2014 году издательство «Детская литература» начало выпуск серии книг «Лауреаты Международного конкурса имени Сергея Михалкова». В ней публикуются произведения, вошедшие в шорт-листы конкурсов. Эти книги помогут читателям-подросткам открыть для себя новых современных талантливых авторов.

Книги серии нашли живой читательский отклик. Ими интересуются как подростки, так и родители, библиотекари. В 2015 году издательство «Детская литература» стало победителем ежегодного конкурса ассоциации книгоиздателей «Лучшие книги года 2014» в номинации «Лучшая книга для детей и юношества» именно за эту серию.

Литейный мост Повесть в трех частях

Часть первая Литейный мост

Федя сидела за столом и смотрела в небольшое овальное зеркало. Она держала его за серебристую металлическую рамку обеими руками и сверлила глазами не свое отражение, а Федора Михайловича Достоевского, портрет которого висел на стене за Фединой спиной. Лицо ее было напряжено, она хмурила брови, стараясь придать своему взгляду великую силу вопроса: «что делать?»

Возможно, этот вопрос следовало бы задавать совсем другому писателю, тому, который тоже мучился в поисках ответа, впрочем, как и все русские писатели, но посвятил ему целую книгу, даже так и назвал ее! Но Чернышевский не пользовался в Фединой семье таким доверием и авторитетом, с каким почитался Федор Михайлович. Николая Гавриловича тоже уважали, но портрета не повесили.

Стены гостиной были украшены картинами современных питерских живописцев и удачными копиями европейских мастеров из числа тех, что можно недорого приобрести в Эрмитаже. Среди прочих висела репродукция картины Перова. Там писатель смотрел куда-то в сторону или в себя, и задавать ему вопросы не хотелось. В кабинете был совсем другой портрет. Это была цветная фотография картины Константина Васильева, вынутая из журнала «Огонёк» и помещенная в рамочку под стекло, так что не отличишь от настоящей. Феде она очень нравилась – слева от Федора Михайловича горела свеча, таинственно освещающая лист бумаги и лицо писателя. А главное, взгляд был таким живым и пристальным, словно он слушал собеседника. Именно эта репродукция сейчас отражалась в Федином зеркале.

Вечерело. Комната начала погружаться в полумрак, и отражение было едва видно, только пламя свечи выглядело отчетливым и рельефным. Федя вскочила, выбежала из кабинета и вернулась через минуту с горящей хозяйственной свечкой, которую поставила справа от себя, чтобы получилось зеркально. Она снова сосредоточилась.

Конечно, никто не ждал, что Федор Михайлович заговорит потусторонним голосом или, чего глупей, сойдет с картинки побеседовать за чашечкой чаю. Федя думала, что ответ возникнет как некое озарение, которое иногда случалось с ней на контрольных и сочинениях. Но в голове было почти стерильно. Минут через пятнадцать она подумала, что Федор Михайлович может ей и присниться. О, это было бы просто чудесно! Однажды, прошедшим летом, она уже видела его во сне. Он быстро прошел мимо нее по Владимирскому проспекту, задумчиво глядя перед собой, а она только и успела дернуть за руку бабушку:

«Смотри, бабуль, Достоевский идет!»

«Ну надо же! – оглянулась бабушка на писателя. – Повезло нам с тобой, девочка, ой как повезло!»

«Может, за автографом сбегать?» – предложила тогда Федя.

«Что ты! – возмутилась бабушка. – Как можно беспокоить классика?! А вдруг он обдумывает сюжет, а ты собьешь его с мысли и пропадет великий замысел?»

«Так ведь он уже все написал и умер!» – удивилась Федя.

«Кто тебе сказал такую глупость?! Ой, прямо как у Булгакова получилось! Помнишь?»

От этих бабушкиных слов Федя тогда даже проснулась, а за обедом поделилась сном со всеми присутствующими: папой, мамой, бабушкой и дедушкой. Они посмеялись, а потом бабушка хитро улыбнулась и ласково сказала:

«Сон в руку, пора бы прочесть парочку романов. Уже большая девочка. Девушка, я бы сказала. Девятый класс. Рискни начать с „Подростка”. Трудно, но очень полезно. И вкус у тебя неплохой. Мне так показалось».

Но пока что Федя не успела прочесть даже первой страницы: приходилось штудировать слишком много книг по школьной программе. Однако она с удовольствием посмотрела все имеющиеся экранизации произведений любимого бабушкиного писателя и сейчас клятвенно пообещала себе и, разумеется, портрету, что непременно прочтет «Подростка» в ближайшие каникулы.

Федя была не самой обычной девятиклассницей. Ее отдали в школу в шесть лет, впрочем, как и многих, но через месяц перевели во второй класс, так как делать ей в первом было уже нечего – мешала товарищам своими знаниями и смекалкой не по годам. Теперь ей исполнилось только тринадцать, но она нисколько не выделялась среди одноклассников внешностью, так как была достаточно рослой для своих лет, и неплохо успевала по всем предметам. Но больше всего любила литературу. Ее сочинения отмечали дипломами городских туров олимпиад, и она мечтала стать писателем. Собственно, поэтому ее звали Федей, а не Елизаветой Корниловой, как значилось на обложках тетрадей.

Смешной и совсем необидный ник появился в начале этого учебного года, когда в класс пришли психологи-профориентаторы и заставили заполнить анкету. В числе прочих глупых, по мнению ребят, вопросов был и такой: кем ты собираешься стать, когда закончишь школу?

Федины одноклассники приложили много усилий, чтобы показать психологам всю несостоятельность их тестов, и, когда, по просьбе самих испытуемых, потом зачитывали ответы, стоял безудержный хохот. Девочки большей частью планировали карьеры моделей и жен олигархов, мальчики же проявили чуть больше разнообразия: от контрактника Российской армии до криминального авторитета и президента.

Федя же, в тот день она еще звалась Лизой, хотела написать правду. И не потому, что не имела чувства юмора. Просто ей казалось: *что* напишешь в такой анкете, то из-за особого коварства судьбы и получишь. Она очень волновалась, словно подписывала себе приговор, а потому ошиблась. Мысль бежала быстрее, и, вместо того чтобы уместить в две мелкие строки фразу: «Хочу стать писателем, как Федор Михайлович Достоевский», она написала только последние три слова.

Две недели ее называли полностью: по имени, отчеству и фамилии великого классика, а потом, по причине не проявленного пока величия, сократили до «Феди». Она не знала, обижаться ли в одиночестве или смеяться вместе со всеми. Товарищи ее не были злыми дразнилками, толстыми и тонкими троллями и прочей неприятной недоброжелательной нечистью. Они были вполне нормальными гимназистами, не упускающими случая посмеяться над чем только возможно.

Тогда Федя задала вопрос «что делать?» бабушке. Она с детства привыкла советоваться с ней, как с лучшей подругой. Так уж ей повезло. И та ответила просто:

«Гордись! Меня бы кто дразнил в школе Федей, подразумевая Достоевского».

«А как тебя дразнили?» – поинтересовалась Федя.

«Куля. По моей же фамилии Куликова. Ничего особенного. Это даже не дразнилка – прозвище, чтобы коротко».

«Да уж. У нас полкласса по фамилии зовут... – вздохнула Федя. – А некоторые себе ники придумали, чтобы выделиться. Фионы там всякие, принцессы, даже Герми и Гарри – это из Гарри Поттера. Взрослые люди! Смешно, правда?»

«Да нет. Нисколько не смешно, – ответила бабушка нарочито спокойно, – и плохого ничего не вижу. Ведь это всего лишь игра».

«Игра, надеюсь!» – усмехнулась Федя.

Между тем в комнате становилось совсем темно. Фебина свечка, отражаясь в зеркале, уже почти не справлялась с сумерками; свеча на портрете и вовсе потускнела, и лицо писателя превратилось в пугающую маску. А Фебина физиономия, круглая, румяная даже более, чем обычно, с копной темных волос, уж очень напоминала премиленькое личико «Девочки с персиками» Серова. Феде часто указывали на это сходство, и это очень ее раздражало.

– Если не приснится, то завтра возьму «Подростка» и открою «на расхлоп», – сказала себе Федя и задула свечу. Она достаточно времени медитировала на портрет, чтобы получить хоть что-то, если Федор Михайлович вообще соизволит отозваться.

Откуда пришла в голову мысль таким образом докричаться до писателя, Федя толком не понимала: она просто это придумала. С ней такое случалось. Придумает, например, Федя, что лето проведет не в оздоровительном лагере, скучая и живя мечтой о счастливом будущем, а отправится в байдарочный поход с родителями или поедет с бабушкой к ее старинной подруге в Карелию, – так и выходит. Само собой складывается. Надо только думать обо всем этом, глядя в зеркало, и смотреть на свое отражение так, чтобы девочка в зеркале ей, Лизе, то есть теперь Феде, рассказывала, как чудесно провела время в загаданной поездке. Но это все о простой мечте. Маленькой и миленькой. А тут все гораздо серьезней. У Феде рушились миры. И дело было не в нике, к которому она уже привыкла, а в любви. Великой, непреходящей и, она была уверена, взаимной. В любви к Петербургу.

Еще в начале учебного года, до появления психологов, к ним в гимназию пришла новая учительница французского языка – Валерия Ивановна. Она была молода, хороша собой, изысканно одета и только что из Парижа, где прожила со своим мужем три года. Разумеется, все дружно начали восхищаться ею. Девочки, не задумываясь, стриглись и все выглядели одинаково лохматыми, с наглыми густыми челками и волосами, торчащими, словно перья взъерошенных птиц. Учительница была брюнеткой, и царство естественных блондинок пришло в

упадок. Одна даже сменила масть, послушавшись родителей и нарушив строгие гимназические требования. Но был и плюс: барышни стали носить элегантные юбки-карандаши приемлемой длины и не оголяли живот даже на физкультуре.

Федя тоже выклянчила у родителей подобную юбку, но стричься ей запретили: жаль было длинных толстых кос. И тогда Валерия Ивановна заплела девочке волосы так, как носят парижские школьницы, – во французский колос. Это Феде очень шло; она была в восторге от новой учительницы и ловила каждое ее слово. Она вместе с одноклассниками восхищалась французской поэзией и живописью и мечтала о Париже. Поездка туда могла стать наградой за победу в конкурсе школьных спектаклей на французском языке. Федя старалась. Тем более что именно ей поручили написать пьесу!

Каждый день после уроков ребята репетировали под присмотром Валерии Ивановны, а потом те, кто в этот день не торопился на кружки, к репетиторам и прочее, оставались выпить чаю и поговорить о прекрасном городе.

– А вы собираетесь снова в Париж? – спросила однажды Нюша Соколова, Фебина одноклассница. Не то чтобы подруга, но товарищ по мечте.

– Конечно, – улыбнулась учительница, – но не беспокойтесь, вас я успею выпустить.

– То есть опять на несколько лет? – уточнила Нюша.

– Знаете, – Валерия Ивановна опустила глаза и вздохнула, – я бы туда навсегда уехала.

– Как – навсегда?! – вскрикнула Федя, и ее глаза стали огромными, дыхание перехватило, не выпуская на волю еще множество вопросов.

– Я не должна вам такое говорить, наверное, – тихо произнесла учительница, все еще не поднимая глаз, – а может быть, наоборот, должна. – И она замолчала.

– Что – должны? – Нюша придвинулась поближе к Валерии Ивановне.

Через минуту тишины, дрожащей в оконных стеклах, послышался голос Кирилла Вольберга:

– А хотите, я за вас скажу? – И, не дожидаясь разрешения, он продолжил: – Нам всем нужно отсюда уехать насовсем. И почему бы не во Францию? Там в университет легче поступить и учиться бесплатно можно. А потом, если ты не лох, конечно, то работу хорошую можно найти и вообще гражданство получить. Так, Валерия Ивановна?

– Так, – глухо и поспешно согласилась учительница.

– Вы ведь про это нам хотели рассказать? Не бойтесь, не вы первая. Наш физик то же самое говорит! – усмехнулся Кирилл.

Федя вжалась в сиденье, ей стало жарко. До сих пор она всегда поддерживала все, что говорила Валерия Ивановна. Да по правде сказать, и то, что говорил Кирилл – самый умный мальчишка из всех, кого она знала. И самый добрый. И вообще друг. Она взглянула в окно: ей казалось, что стучащаяся тишина продолжает биться в стекло упорной птицей, несмотря на галдеж, поднявшийся в классе. Она бьется, чтобы влететь вместе с невым ветром, чтобы все вдохнули и вспомнили, где они, кто они, зачем они... И Федя молчала, боясь спугнуть свою тишину.

А Кирилл продолжал:

– Ну правда, что тут делать? Если я стану инженером, буду в лучшем случае тридцатник иметь; ни ипотеки, ни «лексуса», и делать не дадут что хочу, а только то, что скажут.

– А что ты хочешь делать? – оживилась Валерия Ивановна, желая все-таки уйти от щекотливой темы.

– Вы же знаете, у меня дипломы по физике. Я ученым хочу быть и деньги при этом зарабатывать, чтобы не считать каждый проводок и транзистор. Я на коллайдере хочу работать. Интересно, престижно, перспективно. Только не говорите мне про Сколково. Все это не катит. Блеф очередной.

– Ты про высшую техническую школу Парижа слышал? – улыбнулась Валерия Ивановна. – Ее мой муж закончил. И ты абсолютно прав, Кирилл. Тебе нужно пробовать туда. Не сразу после школы, конечно.

– Да я все уже знаю! – радостно воскликнул Кирилл и описал весь свой план покорения Парижа, а потом и ЦЕРНа, где периодически запускалась его мечта, высчитывая «биоритмы Бога».

Потом девочки просили совета учительницы, рассуждая о том, какая карьера может быть у них во Франции.

– Ой, проще всего стать женой олигарха, – махнула ручкой Нюша, – тогда хоть в Париже, хоть в Лондоне... У меня вот с английским лучше. Я бы в Лондоне... Или в Нью-Йорке.

– Может, арабский выучишь? – засмеялся Игорь Егоров.

Он тоже молчал до этого. Ему было все равно где жить: отец его был бизнесменом, и ходили разговоры, что гимназия процветает не без спонсорской поддержки семьи Егоровых. Старший брат Игоря был почетным (так бывает) выпускником, а классом младше училась сестра.

– Отстань! – отмахнулась Нюша, тем не менее состроила Игорю глазки.

– Ну почему? Шейхи – самые богатые и женятся на наших дурах с удовольствием, – подмигнул ей Егоров. – Ненадолго. Они потом новых берут, помоложе. Так что ты сейчас в самый раз. Поторопись.

Нюша обиженно поджала губки, но учительница обняла ее и, погрозив пальцем Игорю, с улыбкой произнесла:

– Зря ты так. Мы о серьезных вещах говорим. О вашей жизни. Вы же элита как-никак. Здоровые, умные дети. Сливки. И уже сейчас должны думать о своем будущем. Пока вас не подсадили на алкоголь или наркотики. И пока вам не объяснили, на что вы имеете право, а на что нет.

Феде хотелось возразить, что если они элита, то им надо решать, что делать здесь, в Петербурге, а не в Париже. Ведь они не французы, а россияне, не парижане, а петербуржцы. И это звучит здóрово! Но язык почему-то прирос к небу, и она не смогла сказать, что ее мама и папа все время твердят ей о счастье жить в центре Питера. И бабушка с дедушкой тоже счастливы. Собственные доводы ей казались детскими, наивными. И было страшно, что, возможно, учительница права, как опытная мудрая крыса на ненадежном корабле, зовущая за собой крысят. Поэтому Феда промолчала.

Через полчаса они шли вдвоем с Кириллом по Невскому от канала Грибоедова к Аничкову дворцу. Кирилл рассказывал ей об адронном коллайдере, но Феда почти не слышала его слов. Вдруг она спросила:

– Ты правда уедешь?

– Куда? – не сразу понял ее Кирилл.

Она остановилась, повернулась, чтобы можно было смотреть прямо в его карие глаза:

– В Париж.

– Конечно, – сказал он твердо, не отводя взгляда.

– А как же... – она запнулась, – Петербург?

Ей снова стало невыносимо жарко, словно она произнесла что-то ужасное, потому что она хотела сказать вначале «а как же я?», а потом про Петербург, но выставила любимый родной город перед собой как защиту. Смалодушничала. И в том, что думала прежде всего о себе, и в том, что прикрылась тем, о чем или о ком должна была думать в первую очередь.

– А при чем здесь Питер? – Кирилл отвел взгляд.

– Ты же бросаешь его, – прошептала Феда.

– Не говори ерунду! – отмахнулся Кирилл и зашагал дальше.

Через пару шагов он оглянулся. Федя стояла с дурацким выражением лица, словно все еще продолжала говорить какую-то бессмыслицу.

– Что? – Кирилл засунул руки в карманы куртки и попытался развести их, распахнув полы, как крылья. – Пошли. Что ты стоишь? Никого я не бросаю. Питер не собачка. Я и там буду студент из Питера, потом ученый из Питера. Я всегда буду из Питера!

– Но не в Питере! – буркнула Федя, поравнявшись с ним.

– Да что с тобой, черт побери? По-моему, ты перечитала книжек для девочек, – бросил Кирилл.

– Гоголь и Достоевский писали и для мальчиков, – тут же парировала Федя и прикусила язычок, вспомнив, что так и не прочла «Подростка».

– Ну прости, – снова взмахнул «крыльями» Кирилл, словно птенец, готовящийся к полету. – Мне сейчас и так много чего читать по физике приходится.

– Питер не собака, разумеется, – продолжила Федя. – Но ты же сам говорил, что чувствуешь, какой он живой. Ты же чувствуешь? Скажи!

– Ну живой. Ему, может, по фиг, где я буду. И где ты. И все остальные. Блохи. Собаке даже лучше, если блохи переезжают на другую собаку. – Кирилл попытался засмеяться, но нахмурился, увидев, что в глазах Феде стоят слезы. – Прекрати, а? Ты же не истеричка, как Ньюша. Ну что происходит? Что я такого сказал?

– Дело не в тебе, наверное. – Федя изо всех сил старалась не расплакаться. – Знаешь... Можно я скажу, а ты не сразу будешь возражать, ладно? Если даже тебе покажется, что ответ ты уже знаешь. Я скажу и пойду, хорошо? А потом мы снова об этом поговорим, если ты не будешь против.

Кирилл кивнул и стал серьезным. Федя знала: это значило, что можно доверить другу любую мысль.

– Мне кажется, мы все сегодня совершили страшное предательство. Словно нас вербовали враги, а мы не знали этого и согласились, потому что тот, кто вербовал, нам нравится. И мы хотим быть похожими на него. И то, что он говорил, всё вроде бы правильно. А мне гадко, понимаешь? Я молчала и предавала свой Питер.

– Понимаю, – все-таки не выдержал Кирилл. – Это когда у моего отца проблемы начались на работе, потому что стране не нужны стали физики, и он начал пить. И все мамины родственники мне говорили, что мой отец – алкаш, что маме надо бросить его и уехать в Израиль к дяде Зяме. Я тогда тоже со всеми соглашался, потому что папа очень страшный был, злой, как зомби из ужастика. А мама – нет, мама спорила со всеми. Она даже запретила бабушке приходить к нам. А потом отвезла папу в Израиль, и его там вылечили. И он нашел другую работу. Не ту, что хотел, не физика. Не физик он больше! Коммерсант! Но живем прилично. Так что ты и меня пойми. Я здесь – ноль! Сопьюсь или сколюсь. С моей фамилией нужна другая страна, уж прости.

Он повернулся и зашагал в сторону входа в Аничков, а Федя долго еще не могла собраться с мыслями и продолжала диалог с другом про себя.

Она то возражала Кириллу, что время гонения на евреев прошло и сейчас уже все по-другому, то сомневалась в собственных умозаключениях. Ей хотелось крикнуть вслед его спине, исчезнувшей в воротах: «Она же сказала, что мы элита! Значит, мы всё можем изменить! Я не знаю как. Но знаю, что можем!» Но вместо этого Федя топнула в отчаянии ногой и крикнула Невскому проспекту:

– Что делать?!

Прохожие оглянулись, она засмушалась и быстро пошла по направлению к Литейному. Погода портилась: приятный солнечный октябрьский день превращался в промозглый, ветреный и сырой вечер. Феде становилось холодно, она прибавила шагу. Ветер метался, менял направление: то пытался сорвать куртку и нырять за шиворот ледяной лапой, то нахлобучи-

вал неприятный колючий промокший капюшон на самые глаза, так что становилось ничего не видно.

Вдруг кто-то более сильный, чем ветер, резко схватил ее за руку, и она услышала одновременный визг тормозов и грубый мужской голос:

– Жить надоело, дура?! Водителя пожалей!

Мужик, которого она не успела рассмотреть, оттащил ее с проезжей части на тротуар и, тут же отпустив, пошел куда-то по Владимирскому своей дорогой. И тогда Федя испугалась. И даже когда загорелся зеленый сигнал светофора, еще несколько минут не решалась перейти Невский проспект. Ей хотелось немедленно оказаться дома, в любимом бабушкином кресле. А еще лучше – во вчера, с книжкой, заболеть, не ходить сегодня в школу и долго еще не знать, что Кирилл собирается уехать из Питера в Париж – город всеобщей мечты, который она уже почти ненавидела.

Немного успокоившись, она все же благополучно миновала перекресток. И остановилась на Литейном, недалеко от Невского, у магазинчика «Борей». Смешные фигурки в витрине помогали отвлечься, а потом сосредоточиться. Первым желанием Феде было немедленно, как только окажется дома, рассказать все бабушке. Потому что она поймет. Даже лучше, чем Федя. И подскажет, что делать. «Составит план действий в зависимости от желаемого результата, включая последствия желаемых результатов».

В витрине белая вязаная смешная ведьмочка на метле стремительно летала по кругу, словно надеялась оторваться от веревочки, которая не давала ей улететь в небеса.

«Вот-вот, – подумала Федя, – легко и безопасно быть привязанным».

И тогда она даже не решила, а почувствовала, что бабушка ничего не узнает. По крайней мере сегодня, до того момента, пока Федя сама не поймет, как поступать. А если и будет просить совета, то не у простых смертных. И Федя, подмигнув ведьмочке, уверенно зашагала в сторону улицы Жуковского, где она жила.

Дома под предлогом большого задания она весь вечер провела в своей комнате. Впрочем, с уроками она справилась быстро и вся сосредоточилась на главном вопросе. От размышлений ее отвлек телефон. Звонил Кирилл:

– Я должен кое-что тебе сказать. – Голос друга показался Феде каким-то неестественным.

– По телефону? – на всякий случай уточнила она.

– Да, – глухо сказал Кирилл, – так мне, наверное, легче. Я ведь все наврал про отца. Его не вылечили в Израиле. Было уже поздно. Он умер. Точнее, покончил с собой. Точнее, исчез. Но, наверное, покончил с собой.

– Как?.. – прошептала Федя. – Но ведь твой папа... Ведь это твой папа приходил первого сентября на праздник? Это твой папа говорит тебе, что нужно уехать...

– Это отчим, – перебил Кирилл. – Я не хочу, чтобы про это знали. Я больше не хочу об этом говорить ни с кем. Ладно?

– Ладно, – снова прошептала Федя, – прости...

– За что? Ты-то здесь при чем? Я бы не уезжал из Питера, но я здесь не могу.

Стало тихо. Федя положила мобильник на стол и продолжала смотреть на него, ожидая, что он снова зазвонит и Кирилл скажет что-то совсем другое, как будто ей все почудилось и звонка вовсе не было. Ее стало тошнить, поднялась температура.

– Надо уже потеплее одеваться, – сказала бабушка.

И Федею оставили на следующий день дома.

Аспирин работал вяло, градусник застрял на 37,5 °С. Доктор, пришедший после полудня, не нашел у девочки ничего серьезного, и ей разрешили вставать и заниматься чем-нибудь легким, например чтением.

Федя достала с полки над кроватью томик Достоевского, открыла, но вскоре поняла, что с первой же фразы погрузилась в собственные размышления, просто скользя взглядом по

бесчисленным дорожкам разбегающихся строк. И тогда она взяла свое овальное зеркальце и пошла с ним в кабинет, к портрету писателя.

Прогипнотизировав пару часов репродукцию, точнее, ее отражение, Федя почувствовала, что стало нестерпимо жарко, и она загасила свечу, как ей показалось разогревшую воздух, зажгла настольную лампу и в изнеможении опустилась в кресло.

– Петербург, – прошептала она, – я никуда не уеду. Как же ты без Кирилла? Ты же его для себя родил. Если бы он тебе не был нужен, то родился бы другой мальчик, а Кирилл родился бы в Тель-Авиве или вон в Париже. А может быть, пройдет время – и он решит остаться? Нет, вряд ли. Это все его отец! Бедный, бедный...

Она не знала точно, кто бедный: отец, доведенный до отчаяния, лишенный любимого дела, или Кирилл, с которым жизнь в лице отца обошлась так жестоко. И что значит «исчез»? Вдруг ей стало зябко, и она пошла в свою постель, залезла под одеяло с головой, отказалась от ужина и, приняв очередную порцию аспирина, притворилась спящей. А сама все думала о Кирилле, его отце, о Петербурге. И все трое ей представлялись живыми людьми. Только город был похож на огромного Федора Михайловича, сидящего у подножия Ростральной колонны вместо Волхова. Колонна эта стояла почему-то не на стрелке Васильевского острова, а посредине перекрестка Невского, Владимирского и Литейного, где Федя чуть не попала под машину. А Кирилл был такой же, как обычно, только он бежал за своим отцом по Литейному проспекту и никак не мог догнать его, хотя тот шел очень медленно, словно парил, слегка поднявшись над землей. «Ах да, – подумала Федя, – он же покончил с собой». Она не знала, как он это сделал, но видела она странного мужчину, бредущего во тьме уже по Литейному мосту, а Кирилл остановился, потому что мост дрогнул и вдруг раздвоился. Над привычным металлическим Литейным поднялся серебристый, призрачный, и по нему шел отец Кирилла, а Кирилл стоял и что-то кричал, но не было слышно. Федя же, которая шла за другом, хотя тот ее не замечал, вдруг бросилась обратно на перекресток, где должна была все еще оставаться колонна с Петербургом или с Достоевским – он ведь знал, что делать. Но перекресток оказался пуст, даже машины не пересекали его, даже свет не горел ни в окнах, ни в фонарях, только ветер гнал чьи-то оторванные капюшоны и трепал выглядывающий из разбитого стекла рекламной тумбы обрывок плаката, на котором можно было прочесть: «Твой город...»

...Она проснулась поздно утром, часов в одиннадцать. Немного болела голова, и было жарко, но в общем вполне сносно, чтобы подняться и взять с полки книгу вкусного цвета очень зрелой вишни – том пятый, роман «Подросток».

Федя на секунду замерла, сосредоточилась и резко распахнула книжку где-то в самом начале, на шестьдесят четвертой странице, и глаза ее уткнулись в текст:

«Нравственных идей теперь совсем нет; вдруг ни одной не оказалось, и, главное, с таким видом, что как будто их никогда и не было».

Она переместила взгляд дальше и прочла уже вслух:

– «С другой стороны, желающие добра толкуют о том, что будет через тысячу лет. Скрепляющая идея совсем пропала. Все точно на постоялом дворе и завтра собираются вон из России; все живут только бы с них достало...» Умница! – закричала она. – Спасибо! Большое спасибо! Как просто! Как это просто про постоялый двор!

Она закрыла томик и прижалась к нему лбом.

– Я тебя обязательно прочту. Обязательно! Постоялый двор: и Питер, и вся Россия, и жизнь. Спасибо!

Температура больше не поднималась, и на следующий день Федя с удовольствием отправилась в школу.

Ей очень хотелось видеть Кирилла, поделиться с ним новой идеей. Точнее, еще не идеей даже, а мыслью, что идея нужна непременно и немедленно. Но друг на переменах словно избегал встреч. Он подошел к Феде после уроков, когда она в рекреации второго этажа изучала рас-

писание занятий на завтра. Там были изменения: вместо двух французских стояли две латыни, к ужасу и неудовольствию гимназистов.

– Ты чего два дня отсутствовала? Болела? – начал он разговор словно бы непринужденно, но в его голосе чувствовалось напряжение.

– Ерунда. ОРВИ. Все быстро прошло. Слушай...

– Подожди, – перебил он, – я это... Я все наврал про отца. Не верь этому. Никто с собой не кончал. Забудь.

Федя не поняла его, не знала, чему верить: тому отчаянному звонку или теперешнему страху.

– Я никому не скажу, – прошептала она.

– Не было ничего, – повторил Кирилл, подняв вверх указательный палец.

Этот жест друга, знакомый уже девять лет, всегда смешил ее: Кирилл казался чересчур важным и солидным, хотя был испуганным или взволнованным. А сейчас это рассердило ее.

– Что? Испугался, что правду сказал? Если хочешь вычеркнуть его из своей жизни, вычеркивай! А как же: сын за отца? Да, и никого не подпускай к себе, кроме своих комплексов, дурак!

Кирилл словно окаменел от ее жесткого тона, и она пожалела о своих словах:

– Прости. Мы же друзья. Я думала, мы доверяем друг другу. Полностью. А ты... Зачем? Я бы даже не напомнила тебе никогда, раз ты просил не говорить об этом.

– Просто... Просто на самом деле мне нужно говорить об этом! – выпалил Кирилл, и в его глазах появились слезы. – А нельзя. Это великая семейная тайна.

Федя не знала, что ответить, и молча уставилась на друга. В этот момент она ни о чем не думала, просто превратилась в статую. Вроде аллегии ожидания, которую можно было выставить в Летнем саду. Кирилл ей так и сказал, и их разобрал смех. Такой, какой появляется неизвестно откуда, когда на душе скребут кошки, а тебе и больно, и щекотно, и ты ничего не можешь поделать и хохочешь до слёз, до удушья.

– То, что его вылечили, это правда, – вдруг резко сказал Кирилл.

Но Федя все еще продолжала глупо хихикать, кривя губы и сильно вытирая глаза кулаком, словно это могло помочь успокоиться. Кирилл понимал и не обращал внимания на ее попытки унять истерику – скоро закончится. Он продолжил:

– Когда вернулись в Питер, отец даже дело свое начал. Компы из-за бугра возить. Но какой он бизнесмен?! Он вообще обманывать не умел. «Ничего личного – бизнес» – это не про него. Как – ничего личного? Он привык в своем институте, что все друзья-товарищи и работают задарма. А то, что дружба кончается там, где начинаются деньги, так и не понял. Или не принял. Короче, подставил его приятель на кругленькую сумму. Даже квартиры не хватило бы расплатиться. Папаша взял и исчез. Сволочь! Он ночью матери сказал, что не хочет жить, что не может так больше и что ему нужно хотя бы прогуляться. Просто прогуляться. И всё! И ушел из дома. Из окна нашей той квартиры был виден Литейный мост. Все, что я помню, – последнее, что я помню, – темная фигура отца на этом мосту... Меня отвлекла мама. Она хотела, чтобы я немедленно лег в постель. А когда я снова взглянул в окно, отца на мосту уже не было. И знаешь, мне показалось на мгновение, что мостов этих два: один над другим, словно в глазах двоилось от слёз. С тех пор мы отца не видели.

Федю стало мутить. Она вспомнила свои температурные видения.

– Он исчез? – прошептала она.

– Да, – буркнул Кирилл и продолжил спокойным голосом, словно говорил о чем-то обыденном: – А долги-то все нам остались. Он даже не думал, что так будет. Их *этом* оплатил. Отчим. Нет, он нормальный мужик. Он маму еще со школы любит. Мы тогда нашу квартиру продали, чтобы я не видел больше этого окна. Я боялся его. Я даже забыл ее, квартиру нашу. Кажется, даже нашего дома на набережной тоже больше нет.

– Литейный мост! – воскликнула Федя. – Ты сказал – Литейный мост?

– Да. Из окна он был виден. Потом я узнал страшную легенду. Если в полнолуние, когда опускается туман, пойти по Литейному мосту, можно попасть в другое измерение. Я ждал полнолуний, ходил к этому мосту, но мне не повезло: ни разу не было стоящего тумана.

– Зачем ты ходил? – прошептала Федя.

– Я, как маленький, думал: встречу отца. Или позову. Или пойду искать его. Окна боялся, а моста – нет. Странно, правда?

– А ты бы пошел по мосту? – Глаза Феде стали круглыми и желтыми, как два полнолуния.

– Не знаю... – ответил Кирилл. – Почему нет? Правда, оттуда никто, говорят, не вернулся.

Но, возможно, там можно найти ответы на все вопросы.

– Ответы на все вопросы, – эхом отозвалась Федя.

– Ты чего? – встревожился Кирилл, заметив наконец ее горящие «луны». – Ну и глазищи у тебя! Оказывается, ты желтоглазая, как кошка.

– На один из вопросов я знаю ответ! – выпалила Федя.

– Только давай по порядку. Какой вопрос?

Неожиданно для себя Кирилл совсем успокоился, поверив подруге свою тяжелую тайну. Ему и правда стало казаться, что всё, о чем он рассказывал, произошло не с ним, а с кем-то другим. Возможно, с тем, кто жил по ту сторону моста.

– Что делать. Вопрос «что делать?» – выразительно проговорила Федя, словно читала стихи со сцены в актовом зале.

– Что делать с чем? – не понял Кирилл.

– Ну как же?

Федя была не совсем уверена, что после того, что друг рассказал ей об отце, уместно говорить вообще на какую-либо другую тему, кроме семейных неурядиц. Но здесь ей рассказывать было нечего. Ей крупно повезло в жизни. У нее все было хорошо: отличные, довольные жизнью родители, замечательные бабушка с дедушкой, мудрые и добрые, непохожие на многих других взрослых, о которых она слышала и с которыми приходилось сталкиваться. И она замолчала, глядя растерянно в веснушчатое лицо друга.

– Ну, какой ответ, на какой вопрос? – Кирилл коснулся ее руки.

– Да ладно, потом! – смущенно проговорила она. – Тебе, наверное, не до этого всего.

– Не до чего? Говори уже! Не до чего? – настаивал Кирилл, желая полностью уйти от предыдущего разговора.

– Ну, не до моей любви! – выпалила Федя.

Парень что есть силы дернул ее за рукав, чуть не оторвав его.

– Чего? Какой любви?!

Федя залилась краской.

– К городу нашему! К Питеру! – крикнула она, замахав руками, словно отгораживаясь от Кирилла. А потом повернулась к нему спиной и хотела убежать.

Но тот снова схватил ее за руку:

– Стой! Давай про Питер. Я тоже хочу про Питер!

Федя снова взглянула на него. Кирилл теперь весь был красно-рыжий, так что даже веснушек не стало видно и его ярко-оранжевый свитер потускнел и казался бледным.

– Питер теперь для всех как постоянный двор, – тихо проговорила она и почувствовала, что слова прозвучали пресно и не очень искренне.

Кирилл же, напротив, горячо отреагировал:

– Да! Так и есть. Гостиница, доходное место, рынок. Посмотри, у нас теперь все площади базарные! Здесь нечего больше делать честному человеку, который хочет нормально работать и делать свое дело, которое он любит.

– Но ведь это *наш* город, – прошептала Федя и вспомнила, как в ее видениях ветер трепал обрывок рекламы. – Или только мой теперь?

– Наш, – так же тихо сказал Кирилл. – Но что мы можем изменить? Мне лично кажется, что я гораздо больше могу принести пользы в какой-нибудь лаборатории какого-нибудь заграничного университета, чем здесь на баррикадах. Если ты это имеешь в виду. Не согласна? Да и ты тоже можешь писать книги хоть в Париже. Как многие русские писатели и делали. В том числе и про прекрасный Питер.

– Я без Петербурга ничто. Пустота, – проговорила Федя, сама не ожидая от себя таких слов.

Кирилл молчал.

– Тебе это кажется глупым? – Федин голос стал хриплым.

– Нисколько, – наконец отозвался друг. – Я не думал так раньше. Никогда. А теперь... Ты сказала... Вдруг мы все без Питера нули? Ты сказала очень странную вещь. Знаешь, мне прямо сейчас, после твоих слов, пришла в голову мысль: а вдруг мы, наше поколение особенное, только потому и родились, что нужны этому городу для какой-то его личной цели? Мы что-то вроде аватаров. Знаешь, что это такое?

Федя утвердительно кивнула, и Кирилл продолжил:

– Что-то вроде воплощенной души. То есть мы можем ненадолго уехать, конечно. Но не навсегда. Те, кто навсегда, всё теряют. Рано или поздно. Смотри, какая штука: Нюша однажды мне сказала, что она откуда-то узнала... Хотя я знаю откуда: ее тетя медсестра в нашей гимназии. Так вот, мы все, больше чем полкласса, родились со всякими там травмами, чуть ли несовместимыми с жизнью. Нам диагнозов поставили, а мы не только выжили, но и обогнали многих сверстников в развитии. У нас же, смотри, сплошь победители олимпиад, конкурсов и всё такое. Ты вон – по литературе, я – по физике, Нюша танцует. И Валерия Ивановна сказала, что мы элита. Этому должна быть причина, а стало быть, это может быть исследовано, понято и применено.

Федя с восхищением смотрела на Кирилла. Он умел так логично объяснить самые невероятные вещи, словно пересказывал параграф из учебника. Она бы искала метафоры, красивые слова, а он: *исследовано, понято...*

– Ты сказала – постоянный двор. – Кирилл ходил взад и вперед, пересекая широкую рекреацию. – Но ведь и у него должны быть хозяева. А если это мы? Ты про детей индиго слышала?

Федя снова утвердительно кивнула.

– Ага, – продолжил Кирилл, – мы ведь очень даже можем оказаться индиго.

Ну, про это Федя много чего знала. И в Интернете читала, и бабушка подозревала ее с товарищами в принадлежности к этой новой расе людей. Она хотела было рассказать другу о портрете со свечкой, но не решилась перебить и снова лишь кивнула. Кирилл все больше воодушевлялся и, кто знает, может быть даже сиял своей синей аурой посильнее энергосберегающих лампочек, рассеянных по потолку.

– Мы действительно что-то можем сделать. Надо только очень направленно хотеть. Надо всем ребятам сказать. Ты как, согласна?

Конечно, она была согласна. Она даже не мечтала о том, что Кирилл так поддержит ее. Она думала, будет в одиночестве воевать с классом за свою великую идею. Но оказалось, их уже двое. А может, и остальные ребята всё сразу поймут, если уж они индиго. И Валерия Ивановна тоже.

Они решили на следующий день после уроков собрать ребят у Кирилла: у него в квартире была большая комната-гостиная, где им разрешали иногда встречаться всем классом, надеясь на их разумное поведение.

Сначала все обменивались новостями и впечатлениями, пили лимонад, привезенный отцом Игоря Егорова из Финляндии, и сравнивали его с питерским: «Наши готовы даже воду бодяжить, лишь бы денег побольше наварить». Потом кто-то сказал:

– Кирилл, что за базар? Чего висим? Давайте уже быстрее, нам level нужно идти получать.

Кирилл кивнул, встал посреди гостиной и начал:

– Речь о Питере. О нашем городе.

– У-у-у! – протянул кто-то. – Опять сверхидея.

– Да! Это сверхидея, – твердо произнес Кирилл, – но она не моя. Она Федина.

– Час от часу не легче! – усмехнулась Нюша. – О, Федя у нас девочка с идеей! Давай уже, Кирочка, не тяни.

– Ну, это не новость, – проворковала Катя Сокольская – высокая, стройная, единственная из блондинок, осмелившаяся стать брюнеткой. Она сидела в кресле, манерно закинув ногу на ногу, и держала бокал с колой, как будто в нем было изысканное бордо. Стильная француженка с картинки в глянцевом журнале. – Федя у нас не девушка, а генератор идей; их все только перечислить – на книжку наберется. Боже сохрани!

Федя готовила речь, она знала, что и как нужно сказать одноклассникам, но, встретив явную незаинтересованность ребят, смутилась и брякнула первое пришедшее в голову:

– Я хочу сказать, что Валерия Ивановна не права.

В комнате стало так тихо, что было слышно электрическое потрескивание пузырьков газа в бокалах.

– Ну-ну? – послышался чей-то смешок.

Федя поняла, что проиграла с первого хода, но сдаваться пока не собиралась.

– Да, – громко сказала она, – наша любимая и замечательная Валерия Ивановна не права в том, что нам всем нужно уезжать. Я считаю, что это не так. Уехать мы всегда успеем...

– А вот это не факт, – перебил ее Артем Григорьев, в прошлом году лучший в городе по истории. – Мои родители сейчас жалеют, что не послушали в свое время друзей. Всё из-за юношеских патриотических идей. Их друзья теперь в Штатах, в Оклахомском читают историю славянских народов.

– Ну, твои тоже в универе, в нашем, питерском, насколько я в курсе, – парировал Кирилл. Артем произнес, презрительно кривя губы:

– Тебе разницу в окладах сказать? Или сам умный, догадаешься?

– Вот и я про это. – Игорь Егоров поднялся с дивана и, давая понять, что разговор считает несостоятельным, сделал пару шагов к выходу. – Людям нужны деньги зарабатывать. То есть работать там, где платят.

– А здесь что, нельзя заработать? – Федя сделала отчаянную попытку все-таки донести до одноклассников свою идею.

– Нельзя, – кивая, как китайский болванчик, произнес Игорь.

– Да ну? А моим родителям удастся, – с вызовом произнесла Федя.

– Не смей меня! – Игорь махнул рукой. – Где твоя «тачка»? А юбочка твоя от «Версаче» или в «Галерее» на Лиговке купила, на школьном базаре? Ты на осенние каникулы куда поедешь, на Мальдивы или на Мальту?

– Нам хватает того, что есть!.. – насупившись, начала возражать Федя.

Но Игорь даже не слушал ее, он все так же с усмешкой и неким пренебрежением продолжал:

– А я – на Маврикий. Отец уже билеты купил. Кирилл, ты, думаю, тоже на своей загородной вилле «Шесть соток» кайф от сырости ловить будешь, а мог бы на горнолыжном курорте в Альпах зажигать. Нюшка, а тебе что, Турция светит, я угадал?

Нюша сложила руки на груди и, поджав губы, смотрела на Игоря.

– Не твое дело! – прошипела она.

– Конечно, не мое! – усмехнулся Игорь. – Мое дело – окончить эту школу, взять из нее все, что возможно, а вот в универ здесь поступать не буду. В нашей стране экономике учить некому, судя по всему. Ребята, я пойду. Мне некогда. Нужно латынь подтягивать. На фиг нужна, а без нее аттестата не будет. Всем привет! Развлекайтесь! – И он вышел из комнаты.

– Стой! – Кирилл бросился за ним в коридор. – Ты даже не выслушал ее!

– Нечего слушать, – ответил Игорь уже из прихожей.

– Игорь, подожди меня. – Нюша подхватила сумку и быстро направилась к дверям.

– Ребята, ну дайте хотя бы пару минут! – в голосе Феде звучало отчаяние.

Обычно ее сначала выслушивали, а потом спорили, не соглашались, даже высмеивали или, наоборот, загорались ее идеями и развивали их, превращая иногда основную мысль в прямо противоположную. Но это было интересно и говорило о том, что все они друзья и по большому счету заодно.

– Знаешь, Федя... – Катя Сокольская подошла совсем близко и положила руку на плечо одноклассницы. – Тебе нужно чуть-чуть повзрослеть. True-патриотизм вот такой – для маленьких. В начальной школе проходят. Кирилл, проводи меня, а потом успокой свою малышку.

Это был удар ниже пояса: до сих пор ребята никогда не намекали на возраст Феде. Но это полбеды. Катя осмелилась вторгнуться в личные отношения, давая понять, что ей очень много известно.

Федя стояла посреди комнаты замерев, не понимая пока или не желая понимать, что происходит. Слышала смешки и какие-то шутки по поводу их скоротечного собрания, что Федя побила рекорд выступлений, видела, как ребята засобирались, стали выходить из ком-

наты, огибая Федю, словно мебель. Она посмотрела в распахнутую дверь, в коридор, ведущий в прихожую, на то, как Кирилл пожимает руки уходящим и смущенно улыбается им.

Наконец он вернулся в кабинет.

– Ну не вышло пока, – пожал он плечами. – Да что ты стоишь? Садись. Знаешь, ведь это их дело.

Она молча смотрела на него, и он, чувствуя себя виноватым, пытался как-то сгладить произошедшее:

– Расслабься. Забей. Ты не можешь без Питера, а они не могут в Питере. Это ты, а то они. Свобода выбора, в конце концов. И правда, ты же не знаешь, что ты будешь думать по этому поводу через год.

– Что? – Федя словно не расслышала его последних слов.

И он решил их не повторять, а как-то сменить тему:

– Ну Федь, брось. Может, они не готовы, я не знаю...

– Ты говорил – индиго, – наконец произнесла она. – Но они ничего не чувствуют. Абсолютно. Они такие же, как взрослые, которых они не любят, даже презирают. Разве они знают точно, как *там* и как *здесь*. Они повторяют чужие слова, думают чужие мысли, хотят прожить чужие жизни!

Кирилл подошел к ней и попытался взять ее за руку, но она резко отшатнулась.

– Не трогай меня! Не прикасайся ко мне никогда, слышишь! Ведь ты с ними заодно! Ведь ты все равно собираешься отваливать! Ведь собираешься, да?

– Это возможно, – строго сказал Кирилл. – Я решу через год и тебе советую подумать.

– Через год? – Федя уже ревела и даже не пыталась этого скрыть, она размазывала слезы по щекам и кричала: – Ты через год решишь, предавать ли город, который рассчитывает на тебя, на твои мозги, твою энергию, твою совесть! Да, совесть! Вы все так ненавидите это пафосное слово! А мне оно нравится, представляешь? И я уже решила, что лучше погибну здесь на баррикадах, как ты сказал, потому что там я просто погибну как личность, как индиго.

Она бросилась к дверям, и Кирилл не последовал за ней.

– И передай Кате: я не твоя малышка! – крикнула она из прихожей и хлопнула входной дверью.

Феде хотелось прибежать в слезах домой и броситься к бабушке, как раньше, давным-давно, в очень далеком счастливом детстве. Но детство кончилось сегодня. Оно захлопнуло дверь Федино дома, когда утром они уходили в школу. Оно вышло вместе с ней, взяв с собой на память нечто такое, отчего в Фединой душе стало одновременно тяжело и пусто, посмотрело вслед и не пошло рядом, а просто растаяло в воздухе с печальной улыбкой. А Федя не заметила и не попрощалась. Перед тем как войти в свой дом, она воспользовалась этой образовавшейся пустотой, сложив туда боль, отчаяние и растерянность, заперла на ключ терпения и улыбнулась что было сил.

– Как дела в школе? – спросила бабушка. – Как-то ты улыбаешься очень загадочно. Что-то случилось?

– Нет, – ответила Федя, – просто настроение хорошее. Бабуль, уроков много, я сначала их хоть частично поделаю, потом обедать выйду. Хорошо?

– Ладно, как скажешь, – спокойно сказала бабушка и скрылась в недрах квартиры.

Но даже оставшись одна в своей комнате, Федя не позволила себе расслабиться. Она честно села за стол, достала учебники и решила несколько уравнений по алгебре, пару задач по химии. И не разрыдалась. Внутри было сухо, словно все слезы она выплакала у Кирилла. Она даже почувствовала дикий голод и вышла на кухню.

– Супчик будешь? – спросила бабушка.

Федя кивнула.

– Сейчас погрею, поди, остыл уже.

Бабушка засуетилась с тарелкой и поварешкой.

– Не надо, бабуль, давай такой как есть, теплый.

Бабушка внимательно посмотрела на внучку, налила ей суп, села за стол напротив и принялась рассказывать какие-то новости то ли из телепрограммы, то ли из дедушкиной газеты.

Обычно Федя с удовольствием слушала: ей нравились остроумные комментарии, которые поднимали настроение, но сейчас злило то, что бабушка суетится рядом, явно видит Федино состояние и не хочет оставить ее в покое. Словно ждет, что любимая внучка расслабится, все выложит, как это бывало раньше. Они побеседуют, примут бабушкино решение, Федя поблагодарит, помоеет посуду и пойдет читать книжки. Теперь было все по-другому. Между Федей и бабушкой стояло то самое нечто, то, что детство оставило вместо себя, прежде чем исчезнуть. Это нечто строило стену. С каждым словом, не произнесенным Федей, с каждой секундой ее молчания это нечто брало новый кирпич. Еще можно было крикнуть, чтобы разрушить это странное сооружение, но в горле стоял ком, а в душе поднималось раздражение – на бабушку с ее вечной бодрой веселостью, на себя, что не знает, как прекратить эту пытку общением, на мир, который вдруг стал неуютен, на город, из-за которого все это происходит. Федя доела суп, молча вымыла тарелку и, жестом отказавшись от второго, ушла в свою комнату.

Чуть позже к ней постучалась пришедшая с работы мама.

– Я занята уроками! – крикнула Федя, не открывая двери.

– Как ты себя чувствуешь? – Голос мамы был ласково-встревоженным.

Но вместо того чтобы кинуть в дверь чем-нибудь тяжелым, Федя просто ответила:

– Все хорошо. Не беспокойтесь вы. Очень много уроков. Очень.

Ее оставили в покое.

На следующий день Федя надела в школу старые прошлогодние джинсы, которые были раньше чуть-чуть великоваты, а теперь оказались в самый раз. Юбку-карандаш она повесила в шкаф, в дальний угол.

В школе все вроде бы было как обычно. Одноклассники веселились на переменах и, словно ничего не произошло накануне, общались с Федей. Нюша пару раз высказалась по поводу ее внешнего вида, но Федя сослалась на какое-то пятно, испортившее модную в классе одежду. Только Кирилл был несколько насторожен.

– Ну, ты как? Отошла немного? – спросил он тихо, чтобы никто не расслышал; вокруг было много народу, готовящегося к следующему уроку.

– Да, все хорошо, – улыбнулась Федя, смакуя ком неискренности, как незнакомое блюдо, которое совсем не нравится, но нельзя этого показывать.

– Ну, слава богу. А то я уже испугался.

– Не обращай внимания. У меня это... критические дни.

Ей было стыдно произносить такие слова. Ее вообще смущало то, что девчонки легко говорят на эту тему даже с мальчишками, но сейчас ей хотелось и делать, и говорить так, словно это не она, а другой человек, словно она играет роль, неприятную, глупую. Ну и пусть!

– Ну предупредила бы, – просто сказал Кирилл.

К ним подбежала Нюша рассказывать, какой потрясающий смартфон подарил Кате какой-то знакомый. Феде было совершенно наплевать и на смартфон с его потрясающими функциями, и на Катю с ее взрослыми ухажерами, но она улыбалась, кивала и даже сладким голосом вторила Нюше:

– Ми-ми-ми, хочу такой, хочу!

Она продержалась почти неделю. И даже гордилась собой. Одноклассники периодически подтрунивали над ней, прибавив к «Феде» еще эпитет, получалось: *Федя – мессия питерская*. Она терпела. И носила джинсы. Ей даже удалось не разорвать в клочья Катю, когда та заподозрила Федю в том, что отсутствие любимой Валерии Ивановны как-то связано с ней, Федей.

– Что-то долго нет нашей madame Valeria! – причитала Ньюша, называя учительницу на французский манер. – Надоела уже эта латынь. Кому она нужна!

– Нет, правда, кто-нибудь знает, где наша Лерочка? – спросил Игорь Егоров.

Все недоуменно пожимали плечами. Кто-то из ребят пытался узнать причины отсутствия классного руководителя у других педагогов гимназии, но те только загадочно улыбались и твердили: «*Omnes in tempore, учите латынь*».

...В последнюю субботу октября должна была состояться очередная репетиция школьного спектакля, который готовили к конкурсу. Но Валерия Ивановна так и не появилась. Ребята, собравшись в классе, как могли, пытались всё сделать сами. Но больше, чем постановка, их беспокоила учительница. Наконец Катя Сокольская подошла к Феде почти вплотную и, глядя на нее сверху вниз, задала вопрос очень громко, чтобы все слышали:

– Ну а у тебя, Федя – генератор идей, есть какие-нибудь соображения по данному поводу?

– Сама теряюсь в догадках! – напряженно усмехнулась Федя, заподозрив провокацию.

– Правда? – Катя словно нависла над ней, как змея над медицинской чашей, – сейчас закапает ядом.

– По этому поводу, как ни странно, могу придумать не больше, чем ты, – съязвила Федя.

– Ах, фантазерка наша! – парировала Катя. – Я нисколько не умаляю твоих способностей сочинять истории. Но раз уж ты не понимаешь намеков, спрошу в лоб: ты кому-нибудь рассказывала о нашей беседе, об отъезде в Париж?

Ребята собрались вокруг девушек. Они улыбались, ожидая остроумную дружескую перепалку, которая зачастую случалась между двумя состязующимися в словесных, так сказать, баталиях – весьма популярных развлечениях в гимназии. Но миролюбия в тоне соперниц было маловато.

– И кому же, по твоему мнению, я могла поведать об этой весьма содержательной беседе? – не отходя от Кати и глядя ей прямо в глаза, подчеркнуто спокойно проговорила Федя.

– Бабушке, – промурлыкала Катя и сощурилась.

– Ах, бабушке! – наигранно-задумчиво вторила ей Федя. – А что, если бы бабушке? Или мы подписали соглашение о неразглашении?

Смешки, тычки и прочие звуки и шевеления мгновенно оборвались, и все уставились на Федею. Только Ньюша, не поняв еще до конца тонкостей игры, выкрикнула:

– Ты что? Идиотка? Разве можно было о таких вещах говорить взрослым?! Особенно твоей бабушке?!

Федя повернулась к ней:

– Во-первых, не знаю, чего такого я не имела права говорить моей бабушке; во-вторых, почему именно ей что-то нельзя говорить; и в-третьих, по-моему, все ваши родители придерживаются такой же точки зрения, что и madame Valeria, не так ли?

Она обернулась к ребятам, они выжидающе молчали. Федя хотела добавить: «В-четвертых, я никому ничего не говорила», – но, увидев, что все заодно, даже Кирилл, нарочно не сказала этого.

– Как я понимаю, true-патриотизм – твое наследственное заболевание, – уже не скрывая раздражения, проговорила Катя, – и всем понятно, где источник этих сверхидей о великом городе и великой миссии нашего поколения.

Федя быстро взглянула на Кирилла – тот стоял опустив голову, – и девушка растерялась. Через мгновение ей удалось взять себя в руки: быстрая, как питерский стриж, мысль «*пусть так*» придала сил.

– Эти идеи только мои, если ты, конечно, понимаешь, что говоришь, – сквозь зубы процедила Федя. – Но, может, объяснишь, что ты имеешь в виду, намекая на мою бабушку?

– Легко! – голосом придорожной галки крикнула Катя. – Только без обид. Ты по возрасту могла и не понять, что делаешь...

Катя выдержала убийственную паузу, рассчитывая на Федин темперамент, но смутилась, наткнувшись на почти равнодушный взгляд соперницы. Знала бы она, чего Феде это стоило, у нее было бы больше повода задуматься о своих дальнейших словах. Она продолжила ледяным тоном:

– Но твоей бабушке могли не понравиться идеи, отличные от... – Она ухмыльнулась и закатила глаза, словно подбирала слова поточнее. – Словом, совсем непатриотичные идеи. Ей могло не понравиться, что учитель честно говорит ученикам то, что думает, а не лицемерит, как все, в воспитательных целях. И она просто пришла поговорить об этом с администрацией, а администрации не нужны конфликты с родителями, да еще и на такой скользкой почве. Ведь это противоречит нынешней политике государства относительно талантливой молодежи. Я понятно теперь все объяснила?

– Понятней некуда, – все так же спокойно и холодно проговорила Федя.

– Так ты говорила бабушке или нет? – не выдержал Игорь.

– Нет, – обыденно сказала Федя и повернулась, чтобы уйти.

Но ребята не пустили ее.

– Скажи честно! – настаивал Игорь.

Эти слова оказались последней каплей. Федя с силой оттолкнула Игоря, стоявшего на ее пути:

– Пошел вон!

Игорь потерял равновесие и, дернув Федю за руку, рванул ее на себя.

– Пусти ее! – крикнул Кирилл, хватая Федю за другую руку, и они все трое повалились на пол.

Почувствовав, что хватка мальчишек ослабла во время падения, Федя вырвалась, вскочила на ноги и, боясь назревающей драки, заорала:

– Прекратите вы все!.. – Тут она выкрикнула такие слова, которых от нее никто не ждал и которые были под запретом на территории гимназии. Воспользовавшись мгновенным эффектом, она продолжила: – Вы все то, что я сейчас сказала! Все! Да! Я действительно поверила, что мы индиго! Кто не знает, что это, посмотрите в «Википедии», а вы... – Она снова повторила ругательства.

– Федя, ты чего? – Кирилл уже встал и пытался подойти к подруге.

Но она отпрыгнула, как кошка, и зашипела:

– Пошел вон!

Потом снова обернулась к одноклассникам, смотрящим на нее, как на чертика, неожиданно выпрыгнувшего из подарочной коробки. Ее колотила дрожь, и она снова стала кричать:

– Знаете, что я сейчас думаю о вас?.. Вы только делаете вид, что вы особенные, что вы не такие, как презираемые вами взрослые, лишённые фантазий и чистого восприятия мира. А вас заботит то же, что и их. Бабки, чтобы жрать! Бабки, чтобы совокупляться! Бабки, чтобы другие завидовали! Бабки, чтобы выращивать свое никчемное потомство! Вы такие же! И ваш потолок – ваши родители, которых вы считаете отсталыми, вчерашним днем, предками с лиан! Выше вам не подняться, да вы и не будете. Там, выше, возможно, уже нет бабок! А еще вы думаете, что вы – элита, потому, что учитесь в офигенно престижной гимназии, что вы крутые потому, что ваш словарный запас и ваше IQ выше, чем у других подростков. Да вам просто повезло! С вами возились те самые взрослые, которых вы теперь презираете. В чем ваша заслуга? В чем? Вы же пустые внутри, как зомби, а Питер для вас – всего лишь архитектурное сооружение, которое должно быть удобным для добычи бабок. А он, возможно, против такого отношения. А ему нужны ваши души, ваша любовь и зрение не в физиологическом смысле! Но вы ничего не чувствуете: ни его дыхания, ни его голоса. Обыватели, временные обитатели постоянного двора, которые чуть что – съедут и забудут. Вы только говорите о любви к городу. Это для вас лишь метафора. Разве не так?

Они молчали. И она повернулась, чтобы уйти.

– Не многовато берешь на себя, детка? – Голос Кати прозвучал в спину автоматной очередью.

Федя вздрогнула, словно пули настигли ее. Она медленно обернулась.

– Я думала: возродить Город – это для всех. Но раз вы – другие, то есть только я – другая, я могу и сама. Найдутся единомышленники и без вас! И еще. Моя бабушка никогда бы не пришла в школу жаловаться на Валерию Ивановну: она позволяет людям думать и говорить, как им хочется, а меня считает достаточно взрослой, чтобы делать собственные выводы. И если бы я захотела уехать из Питера, она бы очень-очень расстроилась, но приняла бы мое решение. А я никому ничего не говорила. Знаете, почему? Мне было бы стыдно признаться, что я тогда промолчала, когда мы все предавали город!

На этот раз Федю никто не останавливал, и она вышла из класса, хлопнув дверью.

– Что это еще за «индиго»? – нарушил тишину Игорь.

– Люди такие... – со вздохом ответил Кирилл. – У них аура ярко-синяя и сверхспособности. Таких много родилось в тот год... ну, в наш год рождения.

– А-а!.. – усмехнулся Игорь. – Опять непознанное и невероятное. И что? Мы все синенькие, как Аватар?

– Не все. И не как Аватар. А Федя – точно.

– Неужели? – мурлыкнула Катя. – Ты можешь привести доказательства?

– Доказательств нет, – спокойно проговорил Кирилл, – но есть наблюдения. Она действительно чувствует как-то по-другому. Когда мы с ней идем, например, по Невскому, я тоже ощущаю это. Что город – организм. И организм разумный, то есть имеет самосознание, понимаете?

Ребята закивали, и, хотя некоторые смотрели на него весьма насмешливо, он продолжил:

– Но при этом... Вот мы не можем обратиться к нашим клеткам или органам и сказать им: не боли, будь сильным, ты расти, а ты не расти. Они не услышат, или мы не знаем, как с ними нужно говорить. А Федя слышит голос города. Как его разумная клеточка, что ли. Помните, все восхищались ее олимпиадным сочинением про Питер – «Диалоги». Так эти разговоры она не совсем придумала. Она их записала после прогулок по Невскому – там он говорит с ней.

– Ты хоть понимаешь, что за бред несешь?! – смеясь, воскликнул Игорь.

– Это не бред. – Голос Кати был хриплым. – Мне тоже иногда кажется, что до меня пытаются достучаться, и я подозревала, что это какая-то сущность, что-то вроде души города. Но я думала – это последствия родовой травмы. Что я не в себе. Сама себе не верила.

– Можешь и сейчас так думать, – продолжал смеяться Игорь.

– Да заткнись ты! – отмахнулась от него Катя. – Меня мамаша даже к своему психотерапевту таскала, когда я, дурочка, разоткровенничалась с ней. Кирилл, а ты сам ощущал что-то подобное? Только честно!

– Раньше, когда маленький был. Вообще-то я думал, что так и должно быть. Я даже в первом классе, когда проходили одушевленные и неодушевленные, город всегда называл одушевленным, пока не смирился с правилами грамматики. А потом у меня беда одна случилась, не спрашивайте какая, потерял я все эти чувства странные. Но с Федей рядом как будто снова это возвращается. Она очень сильная. Сама не понимает какая.

– Нет, братцы-сестрицы, – не унимался Игорь, – вы про что говорите-то? Я понимаю сверхспособности – это телепатия, телекинез, бесконтактный бой, что там еще? Левитация? А это просто хрень какая-то! Фантазия! Вы и правда все жертвы внутриутробной асфиксии. Кажется, это так называется.

– Возможно, – ответил Кирилл, – но, знаете, я пойду и поищу Федю. Мне не нравится, как она ушла.

– Мы с тобой, – вдруг сказала Катя, не сомневаясь, что почти весь класс поддержит ее.

– Не стоит, – остановил ребят Кирилл, – я лучше один. Вы будьте на связи, если что. И недалеко от Невского.

– Ну сказал! – рявкнул Игорь. – Недалеко от чего: от Дворцовой или от лавры?

– От Литейного, – ответил Кирилл и вышел из класса.

В вестибюле он встретил Валерию Ивановну. Она беседовала с завучем и улыбалась как ни в чем не бывало. Кириллу почему-то стало неприятно, но любопытство пересилило, и он подошел к учителям.

– Здравствуй, Кирилл, – улыбнулась ему Mme Valeria. – Как вы без меня?

– Все нормально, скучали. А вы как без нас?

Учительница засмеялась:

– Немного нездоровилось. Но после каникул мы продолжим учить французский. А на Рождество обязательно поедем в Париж. Я уверена, мы выиграем конкурс. Этот год я с вами точно.

– Отлично, – согласился Кирилл и оставил учителей продолжать беседу.

Он не был уверен, что сейчас мечтает об этой поездке так же сильно, как еще несколько дней назад, хотя... если только на неделю съездить... А что значили слова Валерии Ивановны про этот год, он не стал задумываться, ему было все равно.

Тем временем Федя брела по Невскому проспекту, и вопрос «что делать?» тащился за ней, как привязанная к ноге жестяная банка за кошкой. Федя испуганно оглядывалась и шаркалась, и ей хотелось бежать. Она ускоряла шаг, и вопрос превращался в пудовые гири на массивных цепях, и тогда не было сил сделать следующий.

«Помоги мне!» – вопила ее душа, обращаясь то ли к городу, то ли к Фединому разуму, или это было одно и то же. И воздух вокруг тоже все время менялся: то сгущался почти до состояния геля, то рвался на ветру и исчезал, словно его вообще не было, и тогда невозможно было дышать, но он возвращался на зов: «Помоги мне!»

Уже два раза она прошла от Дворцовой до лавры и обратно. Ноги гудели, но ей было плевать на это. Город должен был ответить, или она умрет прямо на Невском от истощения. На том самом перекрестке, где однажды он чуть не сбил ее машиной, чтобы она очнулась. В какой-то момент ей пришла в голову мысль, что она не имеет права так поступать с родными, которые беспокоятся за нее: не позвонить, не предупредить. «Хорошо!» – усмехнулась Федя и отправила сообщение бабушке на мобильный: «Останусь у Кати репетировать пьесу. Возможно, до утра». Она была уверена: проверять не будут. По крайней мере до завтра. А завтра все изменится. Кто это подумал – она или Питер? «Отлично. А делать-то что? Нужны мы тебе или нет? Как мы тебе нужны? Как?!»

Федя топнула ногой и остановилась, как лошадь, отказывающаяся везти свой воз, пока ей не подвезят к морде мешок с овсом. Она огляделась. Прямо перед ней был переход на ту сторону улицы, где размещался шикарный «Редиссон», а по диагонали – любимый подвальчик «Красный куб», куда они часто заходили с Кириллом посмотреть забавные сувениры. Отличное место – встать прямо по центру этой диагонали – и делай со мной что хочешь, только дай ответ, куда идти?

Она пересекла Владимирский, потом Невский и пошла по Литейному, а следом за ней, на расстоянии нескольких метров, брел Кирилл, не решаясь подойти.

Было уже довольно поздно и темно. Фонари тревожно освещали пространство, как бывает, когда на город ложится промозглый осенний туман. Федя прошла мимо поворота на Жуковского. Сейчас все мысли как будто оставили ее, а неведомая сила влекла вперед. Ей ничего не хотелось, и она почти ничего не чувствовала, кроме желания идти. Впереди показался Литейный мост, над которым висела полная луна, окруженная ярко-синим мерцающим ореолом, и оттуда, с неба, опускался серебристый туман. Федя прибавила шаг.

Кирилл как зачарованный шел следом. Когда до моста осталось пару метров, он крикнул:

– Стой! Не ходи туда!

Но Федя не расслышала его, она как будто переместилась, не сделав и шага, и оказалась на мосту – он все еще видел ее парящий силуэт. Тогда Кирилл кинулся следом, но расстояние до моста только увеличивалось, как во сне. Ему сделалось жутко. Он схватил мобильник. Федин телефон был вне зоны доступа, хотя он все еще видел ее силуэт, точно бы парящий в воздухе. Тогда Кирилл прыгнул. Он приземлился в самом начале моста, но Федя уже растворилась в тумане, а мост будто бы дрогнул и начал раздваиваться: одна его часть ушла вниз, а Кирилл остался на той, что была выше. Или это он сам дрожал от возбуждения и тревожного предчувствия?.. Он прочно стоял обеими ногами на плите, покрытой асфальтом, и не решался сделать следующий шаг.

Наконец он понял, что все нормально, что нет никакого раздвоения, никакой вибрации. Просто очень плотная дымка и собственные фантазии играют в одну и ту же игру. И Кирилл смело пошел вперед, глядя прямо перед собой. Через минуту он посмотрел налево, и ему показалось, что расстояние до русалок на ограждении сильно увеличилось, но Кирилл помнил, что не сходил с тротуара. Он взглянул направо – никакого просвета, под ноги – где-то далеко слабо

мерцал асфальт моста-двойника. И он казался очень тонким, будто бы таял, а под ним застыли темные воды Невы. Сердце Кирилла ёкнуло, стремясь утонуть, спрятаться, исчезнуть.

Он зажмурился и попытался сосредоточиться на ощущениях своих стоп. Сначала он ничего не чувствовал, но, сделав несколько глубоких вдохов и выдохов, как учили на занятиях йогой, куда заставляла ходить мама, он успокоился и явно ощутил, что стоит на твердой, незыблемой поверхности.

«Все ясно, – подумал Кирилл, – оптический обман».

Он снова открыл глаза и посмотрел налево: русалки были на месте, на расстоянии вытянутой руки. И он смело зашагал по мосту. Но туман сгушался. Из серебристого он становился синим, и уже ни впереди, ни по бокам ничего не было видно. И вниз смотреть стало бессмысленно: Кирилл словно шел в облаке. Даже не в облаке, а в туче: кругом было темно и слышалось легкое потрескивание. Он оглянулся, повернулся вокруг своей оси, еще раз, потом еще. Везде была одна и та же картина в темно-синих тонах. В надежде найти ориентир он взглянул на небо: вдруг свет полной луны, которая сияла над ним всю дорогу к мосту, хоть малозаметным пятном укажет ему направление. Но наверху был тот же туман. Казалось, поняв, что Кирилл боится, этот паровой демон стал окружать его, пеленать все плотней, желая проникнуть сквозь одежду, влезть в самую душу. Теперь Кирилл боялся пошевелиться, боялся, что если он оторвет хоть одну ногу от тверди, то вообще потеряет опору. Борясь с липким страхом, он обхватил голову руками и сел на сырой асфальт, чтобы увеличить площадь сцепления с реальностью.

«Дышать, дышать! – давал он себе команду. – успокоиться, выпрямиться и дышать».

Невзирая на холод и сырость, он попытался усесться в позу лотоса, как учили йоги, чтобы сосредоточиться и уйти от страха и глупых мыслей о растворившемся или раздвоившемся мосте.

«Остановить внутренний диалог», – уговаривал он себя и понимал, что длинная, громоздкая фраза только мешает сосредоточиться, только еще больше тревожит.

– Оптический обман, – сказал он вслух.

Голос прозвучал буднично, и Кирилл продолжил:

– Иллюзия.

Теперь его слова словно бы утонули в чем-то мягком.

– Иллюзия! – крикнул Кирилл и почти не услышал собственного голоса. – Спокойно, – произнес он как можно тише. – Спокойно. Что там происходит со звуковой волной в тумане? Звук рассеивается. Правильно. А что мы видим в тумане? Если что-то видим. Предметы удаляются. Правильно. Спокойно. Спокойно.

Он снова сделал несколько глубоких вдохов и даже перестал чувствовать пеленающий его сырой холод. Казалось, все страхи детства собрались в этом чёртовом тумане, чтобы напугать Кирилла, заставить его сдаться, запаниковать и сделать какую-нибудь глупость. На него наступала тьма, темно-синяя, ядовитая, ужасная, как ночной путь по коридору от спальни до туалета. Да, до туалета. Кирилл повторил вслух:

– Путь от спальни до туалета застлан синим туманом.

Как ни странно, это сработало: Кириллу стало смешно.

– Или до холодильника! – хихикнул он и несколько раз повторил для убедительности: – Застлан, застлан, застлан...

Стало еще спокойней и будничней, и даже туман как будто начал рассеиваться, открыв на мгновение русалок, держащих гербы Петербурга.

– Темноты не существует. – Кирилл решил продолжать научное объяснение происходящего. – Есть отсутствие света.

«О господи, нет, – тут же подумал он, – отсутствие света еще страшнее, чем темнота!»

– Темнота всего лишь туман! – выкрикнул он.

Голос снова утонул, как в подушке. Это было знакомо – не страшно.

– Не страшно, – спокойно проговорил Кирилл. – Нет ничего страшного в этом спокойном явлении природы. А мост, я попой чувствую, на месте.

Он засмеялся и, чтобы окончательно успокоиться и все-таки встать и идти, попытался снова сосредоточиться в любимой йогами позе хотя бы на минутку.

Сквозь опущенные веки он видел разные фигуры, которые рисовал ему туман, но они не напоминали ему ни монстров из темного коридора, ни страшные лица грешников с какой-то иконы, которую он однажды увидел в детстве и долго боялся даже узнать, что это за икона. Сейчас он подумал, что пора бы познакомиться с ней. Все-таки произведение искусства.

Он слегка приоткрыл глаза. Из клубов тумана выглядывало темное лицо одного из грешников. Это было лицо отца.

– Это мое воображение, – прошептал себе Кирилл, – мое воображение. Я могу не думать об этом. Это иллюзия. Обман.

Лицо растаяло, но через мгновение снова всплыло, искаженное пьяным гневом. Оно что-то кричало, но не было слышно.

– Это мое воображение! – как мантру, повторил Кирилл и вдруг закричал: – Уходи! Тебя нет! Ты умер! Ты сам так решил! Я ни в чем не виноват! Я ни в чем не виноват!

Лицо исказилось, словно бы обладатель его задыхался. И вдруг обмякло. Но не исчезало.

Кирилл продолжал смотреть, повторяя:

– Мое воображение. Я ни в чем не виноват.

Вдруг ему показалось, что на его ладони упали капли.

– Конденсат, – проговорил Кирилл.

Лицо отца перед ним плакало.

Острая жалость сжала сердце Кирилла. Он по инерции произнес:

– Это мое воображение.

Но лицо, темное, клочковатое, туманное, было таким родным, что вдруг не в мозгу, а в сердце родились бессмысленные, казалось бы, слова и потребовали выхода:

– Папа, папочка! Я ведь живу. Я живой, папочка!

Он хотел сказать еще много чего, что вихрем мыслей пронеслось в голове, – и про гены, и про одну плоть, про прощение и любовь, про память и забвение, про иллюзии, наконец, но в горле все это взорвалось мощной, не физической, болью, и Кирилл заплакал. Громко, навзрыд. Эта боль была сильнее страха. Она была сильнее всего на свете. И Кирилл понял, что должен, обязан превозмочь ее, иначе она не даст ему жить. Она будет руководить им: его выбором, его решениями, его волей. Он должен превозмочь ее. Потому что это его боль. Его личная, собственная. Это его мёрзок. А отец уже ни при чем. Он давно ни при чем. Да и был ли при чем? А Кирилл теперь только сам отвечает за себя. И незачем разглядывать туман. Он закрыл глаза.

– Прощай, папа, – сказал он, пытаясь подняться. – Прощай, мне нужно идти.

Но один вопрос вспыхнул в его мозгу и не позволил ему встать. И Кирилл снова открыл глаза, сиюсь разглядеть лицо отца в клубах тумана. И оно тут же появилось перед ним.

– Что случилось, отец? Ты покончил с собой или этот мост забрал тебя и перевел в другое пространство?

Он ожидал чего угодно, кроме удивленной улыбки. Отец улыбался, как давным-давно, когда Кирилл спрашивал о чем-то само собой разумеющемся, о чем и сам мог догадаться. Ему даже показалось, что он услышал голос:

– Подумай.

И он подумал: если человек исчез, никто не вправе думать, что он покончил с собой.

И в этот момент он услышал Федин крик:

– Кирилл!

В тумане трудно было понять, откуда он раздается, но Кирилл не стал рассуждать. Он просто побежал на помощь, боясь лишь того, что впечатлительная Федя может не справиться

с мороком. Боясь того, что она уже давно плутает в этом синем тумане, давно зовет его, а он не слышит, давно не верит...

Но Федя с самого начала, с первого шага, ничего не видела вокруг себя. Она даже не заметила, что оказалась на мосту. Не испугалась темно-синего, как грозовая туча, тумана, который бережно нес ее, слегка искрясь и потрескивая. Глаза ее заволокли слезы, и ей снова хотелось идти только вперед. Однако что-то заставило ее остановиться посередине моста, и тут она подумала, что, возможно, зашла слишком далеко и в прямом и в переносном смысле. Но возвращаться домой пока не хотелось.

Она подошла к ограде и посмотрела вниз. Сначала ничего не было видно, но потом облако прямо под ней рассеялось, и Федя увидела воду. Нева сонно тащила свою дорогу. Однако какое-то синеватое свечение под мостом привлекло Федино внимание, будто там, на дне, горел уличный фонарь. Федя вспомнила, что где-то в этом месте следовало загадывать желание и бросать вниз монетку. Наверное, этот свет был сигналом, что пора объявить о своей мечте, а у Феде она была. Она порылась в карманах, но денег не нашла, а кошелек при ней не было. Федя вздохнула разочарованно – проворонила свое счастье. Она взглянула на небо. Там бледнело пятно луны, словно размытая акварель. Это вовсе не фонарь, а луна так причудливо отражалась в Неве и не сулила никакого исполнения желаний. Федя горестно усмехнулась и пошла дальше по мосту, как она думала, к улице Академика Лебедева.

Туман все еще висел над миром, и видно было плохо. Однако она слышала какие-то голоса – то веселые, то тревожные. Ей было все равно. Люди живут своей жизнью, какое ей до них дело. Вдруг туман резко рассеялся, Федя, как и ожидала, оказалась по ту сторону Невы.

Группа подвыпивших подростков в спортивных штанах и куртках с капюшонами, нахлобученными по самые брови, шумно веселились прямо на проезжей части, не давая кому-то перейти дорогу.

– Гопники, – машинально пробурчала Федя.

Они ей не нравились. И хотя бабушка говорила, что каждый имеет право быть таким, каким хочет, и хиппи, и гопником, и готом, Федя испытывала к ним что-то вроде брезгливости. Однако она старалась этого не показывать. Да и мало ли как люди развлекаются, если им делать нечего.

Но вдруг в бессвязных выкриках она различила до боли знакомые слова и резко остановилась, глядя на компанию во все глаза.

Кто-то вдруг развернул над головой плакат, на котором были накорябаны красным маркером слова: «Это мой город». И эту же фразу сейчас кричали его товарищи. Они скандировали, как обычно орут болельщики на стадионе, что-то вроде «Зенит – чемпион!» или «Олё-олё!».

– Это мой город! Это наш раёк! – орали они пьяными голосами и плотнее окружали кого-то.

Федя остановилась. У нее засосало под ложечкой и стало мутить. Фраза, которую она бережно носила внутри себя, сейчас показалась ей вульгарной, вычурной, неискренней. Федя, замерев, смотрела на орущих подростков. Вдруг она заметила, что внутри толпы что-то происходит, какая-то возня.

– Помогите! – послышалось сквозь пьяные вопли.

Голос был женский, с легким восточным акцентом, как у Динары – продавщицы небольшого магазинчика на Радищева, где Федя покупала шоколадки по дороге из гимназии домой.

Один из парней размахнулся ногой, но потерял равновесие и, оттолкнув приятеля, чуть не свалился на асфальт. И тогда Федя увидела человеческую фигуру в чем-то темном и длинном, склонившуюся над другой, лежащей посреди перекрестка.

– Что вы делаете?! – неожиданно для себя заорала Федя.

Подростки посмотрели в ее сторону.

- Еман, чикса, – нагло улыбаясь, гнусаво произнес один из них. – Канай сюда, чикса.
- Немедленно прекратите! – проговорила она по инерции, но менее уверенно.
- Чикса-а... – протянул другой. – А чо?

Федя нерешительно сделала шаг назад.

- Вы чо, олени! – гаркнул третий. – Она ж врубается за того шканца.
- Ёпт! – ухмыльнулся первый. – Щемить соску!

Вся компания теперь уставилась на нее. В их лицах Федя не увидела ни бешенства, ни одержимости, только тупая скука и пустота, как у шакалов, нервно бегающих по грязной тесной клетке в Ленинградском зоопарке. И это было по-настоящему страшно. Федя обернулась в сторону моста, но его не было видно. Его плотно укрывал туман.

- Ша, в натуре, тобой поляну накрою, слышь, телка! – раздалось за Фединой спиной.

Она снова повернулась к парням; они медленно приближались. Федя отступила на шаг и бросилась бежать в туман. Туда, где предполагался мост. За спиной она услышала топот.

- Кирилл! – неожиданно для себя крикнула Федя, но звук утонул в тумане.

Она бежала, а со всех сторон ее окружали голоса гопников:

- Стапэ, пацанчики! Вона телка!

– Та не.

- Столб, блин!

Через некоторое время Федя почувствовала, что ей трудно дышать. Бежать больше она не могла. Звать на помощь боялась. Она остановилась в нерешительности. Сердце колотилось, и ей казалось, что его оглушительный стук может привлечь гопников. Сжав руки в замок, как для молитвы, она стояла не шевелясь. Туман плотно окружил ее. Голоса удалялись и постепенно стихли.

Выждав некоторое время, Федя осторожно пошла вперед по мосту. «Только бы на Литейный!» – молила она. Она все шла и шла в тумане, и ей казалось, что мост давно уже должен был бы закончиться, в каком бы направлении она ни двигалась. Иногда она замирала на мгновение, прислушивалась, но вокруг была глухая тишина. И синий туман. Мир исчез, растворился, выбросив Федю неизвестно куда – за ненадобностью. Ее колотил озноб, и она боялась, да и не могла, ни о чем думать, кроме того, как ей вернуться теперь домой. Она уже была готова рассказать все бабушке. Особенно про гопников с плакатом. Может быть, ее даже как-нибудь накажут за обман. Будут сердиться, ругать. И пусть. Только бы сейчас оказаться дома.

Пройдя еще минут десять, как ей казалось, она резко остановилась, дрожащей рукой с трудом нашла в кармане куртки мобильный телефон и хотела набрать номер Кирилла, но обнаружила, что мобильник разрядился. Она пыталась его включить – это было бесполезно: аккумулятор сел и признаков жизни не подавал.

- Нет! За что? – прошептала Федя и повторила чуть громче: – Нет!

Ей показалось, что она крикнула, – так прозвучало это короткое слово. И Федя, не понимая, что происходит, сначала заметалась на месте, а потом бросилась бежать со всех ног.

Почти мгновенно туман рассеялся, и Федя снова оказалась на улице Академика Лебедева. Гопников нигде не было. Но прямо на проезжей части, посередине пешеходного перехода, лежал парень, а над ним склонилась женщина.

Федя нерешительно подошла.

- Это они его? – спросила она тихонько. – Гопники?

Женщина кивнула. И Федя присела на корточки рядом.

- Надо «Скорую» вызвать. Чёрт! У меня телефон сел.

- Не волнуйся, девочка. – Женщина наконец взглянула на Федю.

Говорила она с акцентом, и лицо ее было восточным или кавказским. Федя не очень разбиралась в этих национальных тонкостях.

- Я уже позвонила. Сейчас приедут, сказали.

Женщина печально улыбнулась, а парень простонал. Тогда женщина склонилась ниже и заговорила тихо, почти шепотом, на незнакомом языке.

- Я сказала ему, чтобы не шевелился, – перевела она для Феде. – Пусть врачи осмотрят.
- Правильно, – согласилась Федя. – А за что они его?
- Э-э... – протянула женщина. – Разве ты не знаешь, за что?
- Нет, – смутилась Федя.

Она догадывалась, она слышала, что иноземцев, таких, как эти, с кавказскими лицами, иногда бьют за что-то. Например, за то, что они чужие. Их еще называют гастарбайтерами. Странное слово, совсем необидное в переводе на русский, стало синонимом чего-то унижительного. Да и не только кавказцы были приезжими рабочими. Но потасовки случались чаще всего с ними. Однако все это словно находилось в другом, параллельном мире, который для Феде был чужд и далек.

- Они курить просили! – усмехнулась женщина.
- А он не дал? – выпалила Федя и тут же поняла, что ее слова прозвучали глупо и бес тактно.

– Он не курит... – вздохнула женщина. – Не пьет и наркотики не употребляет. Мой сын – студент. Он приехал в ваш город учиться в университете. Он хороший мальчик, мой сын. Что теперь будет? Что будет?

- Врачи его вылечат, – прошептала Федя. – У нас хорошие врачи. Очень.

Федя почувствовала, что ей вдруг стало стыдно перед этой несчастной женщиной и ее сыном, лежащим посреди Фединогорода на проезжей части, и она горячо зашептала:

- Простите! Пожалуйста, простите!

Женщина подняла на нее удивленные глаза:

- За что ты просишь прощение, девочка? Разве это были твои друзья?

- Нет, – твердо сказала Федя. – Это были мои враги.

- Как тебя зовут? – вдруг спросила женщина.

- Фе... то есть Лиза, – ответила Федя. – А вас?

- Гузель, – кивнула та и взяла Федею за руку. – Они не твои враги. Они сами себе враги.

А у тебя врагов нет и быть не должно. Они не знают, что делают, и не знают, что им делать.

- Это я не знаю, что мне делать, – эхом отозвалась Федя.

Гузель снова удивленно взглянула на Федею:

- Как – не знаешь? Почему?

Федя заговорила с жаром:

– Я не знаю, что делать. Я чувствую: в моем, в нашем городе происходит что-то не то, что-то нехорошее, неправильное. Ведь и то, что случилось с вашим сыном, – это неправильно. И городу плохо. Он как живой. Он, как ваш сын сейчас, словно бы лежит в грязи избитый. И что делать с этим, не знаешь. Вдруг и ему лучше не шевелиться, пока врачи диагноз не поставят? А где они, эти врачи? Кто они и когда появятся? Это я не знаю, что делать, а они даже не думают...

– Что ты хочешь? – Гузель одной рукой держала руку своего сына, другой гладила Федею по плечу. – Ты знаешь, чего ты хочешь?

- Да. Наверное, – не совсем уверенно проговорила Федя.

- Так скажи просто, что думаешь, – улыбнулась Гузель.

– Я... – начала Федя. – Я. Я хочу, чтобы Петербург был Петербургом. Здоровым, красивым, уютным. И безопасным для всех. И гостеприимным. Чтобы был культурной столицей. Действительно культурной. Чтобы здесь все могли найти дело по душе. И чтобы мои друзья не хотели уезжать отсюда в Париж. И чтобы я тоже жила здесь и стала писателем, нужным этому городу. Но это только мечта! Дурацкая детская мечта! Вам ведь тоже так кажется?

– Тише! – Гузель снова взяла Федю за руку. – Ты правильно все говоришь. Но почему ты считаешь, что твой город другой?

– Ну, я же сказала только что! – Федя даже повысила голос от отчаяния. – Он словно бы болен!

– Подожди, – спокойно остановила ее Гузель. – Город твой не болен. С ним все хорошо, раз в нем есть ты и много таких, как ты. Я знаю, что говорю. Послушай. Просто это ты ищешь свое место в нем. Только свое. Понимаешь меня?

– Кажется, да, – прошептала Федя.

Гузель улыбнулась ей и продолжила:

– Но послушай. Мой отец пас в горах овец и рассказывал: вершины гор видны издалека, но дорог к ним не видно. Перед тобой лишь петляющая тропа, и, куда она ведет, только Аллаху известно. Но если ты хочешь достигнуть вершины, ты должен просто идти. Шаг за шагом до поворота. И дальше. Бывает, кажется, что ты в тупике, иногда приходится самому протаптывать, даже прорубать тропу, а порой спускаться вниз. Чаще всего ты даже не видишь свою вершину: мешают склоны, но ты знаешь, что она есть, и веришь, что тебе туда нужно. И если так, дойдешь. Шаг за шагом. Понимаешь? Шаг за шагом. Надо только начать идти. Ни горы, ни пропасти не виноваты, что ты не видишь вершину, но смотри внимательно: они подсказывают.

– Откуда я знаю, где моя тропа? – раздосадовано спросила Федя.

– Знаешь, – улыбнулась Гузель, – ты ведь живешь. Ходишь в школу, мечтаешь стать писателем! Ты задаешь себе такие сложные и серьезные вопросы. Значит, ты уже на своей тропе. И город тоже подсказывает. Просто помни: шаг за шагом – и увидишь...

Последнее слово потонуло в реве сирены «скорой», которая выскочила из-за угла. Врачи быстро осмотрели избитого парня. Уверили его мать, что им обоим сильно повезло, но требуется врачебное наблюдение, и увезли их с собой. Федя осталась одна на перекрестке. Она оглянулась на мост – он все еще был закрыт туманом.

– Ну и что, что туман, – буркнула Федя. – Нужно идти. Шаг за шагом.

Она решила идти прямо, никуда не сворачивая, к Литейному проспекту и ни на что не обращать внимания. Ведь это ее город. От этой мысли Федю слегка замутило. Сама фраза – «Это мой город», – которую Федя с гордостью бросала в лица своим ничего не желающим понимать одноклассникам, теперь казалась ей ужасной. Грязной. Агрессивной. Не имеющей ничего общего с великой любовью. Как о вещи какой-то: это моя шапка, моя тетрадка, мой мобильник – что хочу, то и делаю. «Нужно не так, нужно как-то по-другому», – думала Федя. Ведь эти гопники вовсе не чувствуют себя гостями на постоялом дворе. Они-то как раз хозяевами себя считают. Как на своей кухне. В том-то и дело, что как на кухне, а не в парадных залах дворца или музея. Не постоялый двор теперь ее Питер, а кухня, неопрятная, неухоженная, где не изысканные блюда готовят, а так, что придется: подгнившую картошку и подтухшую корюшку. Так делать-то что с этим всем? Какие шаги? Отмыть, отдраить, выбросить все, что испорчено? Как? И кто это будет делать? Губернатор? Не смешите! Я? Тринадцатилетняя школьница? Еще смешней! Так это я сегодня тринадцатилетняя. А завтра? А через год? А за десять лет, как Гузель сказала, – шаг за шагом, даже если не видишь вершины! Цель ведь есть. И время есть. Иначе Питер, родной, любимый, не стучался бы в мою душу. Он знает, что я могу найти ответ. И я, наверное, уже знаю. То есть я знаю, что точно узнаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.